

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории, археологии и этнографии
народа Дальнего Востока

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ
И СТРАНЫ АТР
В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Сборник статей

Владивосток
Дальнаука
2009

Тригуб Е.Я. Политическая деятельность органов местного самоуправления в период Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России (июнь 1918 г. — октябрь 1922 г.)	240
Заколюдная А.С. История изучения переселения на Дальний Восток России на современном этапе	253
Сергеева М.Г.Ф. Миллер о перспективах экономического развития первых городов Сибири на примере Енисейска и Красноярска	263
Корповенко С.В. И. Махно и махновское движение на Украине в оценке современной украинской историографии: краткий обзор	268
Арнаутов Н.Б. Концепция политической борьбы на страницах «Краткого курса истории ВКП(б)»	276
Хошек М. Международный аспект вопроса о транзите чехословацких легионеров по Китайско-Восточной железной дороге в начале советнической интервенции	285
Егоров Н.А. Подрывная деятельность белоэмигрантских организаций против советского Дальнего Востока в 1922—1941 гг.	293
Савчук А.А. Советская брачная политика и проституция на Дальнем Востоке в 1922—1929 гг.	301
Минаков А.С. Губернаторы на Дальнем Востоке: кадровая политика и преемственность контроля: (Исторический опыт в стратегической перспективе)	308
Савченко А.Е. Дальневосточный регион России в конце XX в. в контексте теорий революции	314
Ложкина А.И. Проблемы культурной политики в законодательных документах Российской Федерации	319
Тяо Ли. Анализ состояния и рыночного потенциала одежды в России	327

III. ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СТРАН АТР

Баженова Ж.М. Меньшинства Японии	330
Чертушкова Е.В. Проблема социального затворничества среди японской молодежи	343
Давлетшина А.И. Морнори — охотники на морского зверя и линную птицу в Полинезии: опыт изучения адаптивной вариативности в культуре	353
Латушко Ю.В. Политика родства: модели трансформации социо-политических систем полинезийцев	364
Лебедева А.А. «Остров духов» в микронезийском навигационном искусстве: историкографический и этнографический аспекты	372

**Политическая деятельность органов местного самоуправления
в период гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России
(июнь 1918 г. – октябрь 1922 г.)**

**Political activity of local self-government bodies
in the period of Civil War and armed intervention in the Far East of Russia
(June of 1918 year – October of 1922 year)**

С началом гражданской войны и интервенции в течение лета – осени 1918 г. на Дальнем Востоке России была свергнута советская власть. Возникло несколько политических центров, ставивших своей целью борьбу с большевизмом. Активное участие в конструировании институтов государственности взамен Советов принимали восстановленные органы местного самоуправления.

В июне 1918 г. после чехословацко-белогвардейского переворота в Омске было образовано Сибирское временное правительство во главе с правым эсером П. В. Вологодским. Правительство провозгласило себя верховной властью на всей территории Сибири и Дальнего Востока¹.

В Забайкалье в момент анархии и хаоса бремя создания институтов власти взяли на себя органы Читинского городского самоуправления и Забайкальского областного земства, сохранившие свой состав после их роспуска большевиками. На состоявшемся 25 августа 1918 г. экстренном совместном заседании Читинской городской думы и Забайкальской областной земской управы было решено организовать временную власть в лице Коллегии из общего присутствия областной земской управы, Читинской городской управы, президиумов 1-го областного земского собрания и Читинской городской думы. Также постановили: выпустить воззвание к населению; освободить из местной тюрьмы всех политических заключенных, восстановить в должности начальника тюрьмы и усилить её охрану; захватить артсклад и через районных и квартальных попечителей снабдить жителей Читы оружием; организовать самообрану города; временным начальником гарнизона назначить полковника Бабушкина². Через неделю в Читку вошли войска Г. М. Семёнова. Вскоре в Забайкалье была установлена военная администрация атамана.

В сентябре 1918 г. после свержения советской власти в Благовещенске на расширенном собрании членов войсковой управы Амурского казачьего войска, Амурской областной земской управы и Благовещенской городской управы было сформировано Временное правительство Амурской области. В его состав вошли: городской голова Благовещенска А. Н. Алексеевский, войсковой атаман Амурского казачьего войска И. М. Гамов, председатель

Амурской областной земской управы Н. Н. Родионов, командир Амурского отряда подполковник И. Н. Никитин. Председателем правительства единогласно был избран А. Н. Алексеевский³.

В Приморье после переворота во Владивостоке 29 июня 1918 г. было образовано Временное правительство автономной Сибири во главе с правым эсером П. Я. Дербером, объявившее себя верховной властью на всей территории Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала⁴. Уже 30 июня на первом же своём заседании Владивостокская городская дума постановила «признать и всеми силами поддержать Временное правительство автономной Сибири»⁵. 2 июля его признала Приморская областная земская управа, а вслед за тем – уездные, волостные земства и Никольск-Уссурийская городская дума⁶.

Ввиду отсутствия в тот момент у правительства П. Я. Дербера чиновничьего аппарата, вооруженных сил, милиции всеми делами управления на Дальнем Востоке занималась Приморская областная земская управа. Объявив себя высшим государственным органом в области, временно выполняющим также все функции центральной государственной власти, Приморская областная земская управа стремилась распространить свою власть на всю территорию Дальнего Востока. С этой целью в начале августа 1918 г. по инициативе Приморской областной земской управы было созвано региональное совещание представителей земств и городов, на котором было избрано Дальневосточное бюро самоуправлений (из 4 человек), призванное направлять и координировать деятельность земских и городских учреждений на Дальнем Востоке⁷.

На этом совещании присутствовал представитель Временного правительства автономной Сибири. Переговоры последнего с председателем Приморской областной земской управы А. С. Медведевым закончились соглашением о новой политической структуре на Дальнем Востоке. На основе специального постановления был создан Временный эмиссариат Приморской области. В состав эмиссариата входили: председатель Приморской областной земской управы; Владивостокский городской голова; заведующие отделами, которые избирались городскими и земскими гласными. Списки кандидатов в члены эмиссариата должны были быть подписаны не менее 50 гласными. Выборы производились на основе прямого, равного избирательного права при тайном голосовании. Была также восстановлена должность правительственного комиссара. Обязанности комиссара по Приморской области были возложены на председателя областной земской управы А. С. Медведева⁸.

Тем временем управляющий КВЖД генерал Д. Л. Хорват, опираясь на организацию «Дальневосточный комитет активной защиты Родины и Учредительного собрания», сформировал 9 июля 1918 г. в Харбине под своим руководством еще одно белогвардейское правительство – так называемый «деловой кабинет Временного правительства России». Объявив

себя Верховным правителем, Д. Л. Хорват потребовал, чтобы правительство Д. Я. Дербера ушло в отставку и передало ему всю полноту власти⁹.

Амурское областное земство и Временное правительство Амурской области, возглавляемое А. Н. Алексеевским, выразили готовность признать власть Д. Л. Хорвата в качестве верховной. Но Временное правительство автономной Сибири и Приморская областная земская управа не спешили с признанием «делового кабинета».

Приморская областная земская управа 27 июля 1918 г. приняла постановление № 95 «Об отношении к распространяемым в области приказам и распоряжениям генерала Хорвата и членов самочинно организованного им делового министерского кабинета». В нём говорилось «о недопустимости ведомственных сношений местных правительственных учреждений с какими-либо претендующими на власть организациями, кроме областной земской управы, временно принявшей на себя полномочия центральной государственной власти...»¹⁰. Земские и эсеро-меньшевистские лидеры и газеты Приморья заговорили о наступлении реакции на «земскую демократию» и необходимости сомкнуть свои ряды вокруг земства и Временного правительства автономной Сибири (хотя Д. Л. Хорват, стремясь привлечь дальневосточные земства на свою сторону, напротив, обещал «оберегать» их)¹¹.

Интервенты, при поддержке которых были созданы все упомянутые белогвардейские правительства, были заинтересованы в создании «прочной» власти в Сибири и на Дальнем Востоке, способной эффективно бороться с Советами. Они сделали ставку на Сибирское временное правительство П. В. Вологодского. В конце сентября 1918 г. во Владивостоке состоялась встреча глав сибирских и дальневосточных белогвардейских правительств. «Местные» правительства признали власть Сибирского временного правительства и сложили свои полномочия. Впрочем, и Сибирское временное правительство во главе с П. В. Вологодским интервенты вскоре сочли недостаточно авторитетным и способным решительно покончить «со всеми проявлениями большевизма в Сибири». Поэтому 18 ноября 1918 г. в Омске был осуществлен государственный переворот, в результате которого к востоку от Урала была установлена военная диктатура адмирала А. В. Колчака, провозглашённого Верховным правителем России¹².

Таким образом, органы местного самоуправления с первых дней возобновления своей деятельности оказались вовлечены в политические перипетии. Однако условия, когда земские и городские самоуправления вернулись к практической деятельности, были чрезвычайно сложными. Сибирское временное правительство, а затем администрация А. В. Колчака категорически отказывали самоуправлениям в подобию политической власти, полагали необходимым ограничение самостоятельности и компетенции органов общественного управления, пересмотр избирательной системы в пользу цензовых слоев населения. В конце 1918 г.

был восстановлен административный надзор за органами местного самоуправления в лице комиссаров. Органы земского и городского самоуправления пытались отстаивать свои права посредством координации усилий, путем создания союзов, но власти не соглашались с подобными действиями. Кроме того, в условиях гражданской войны широкое применение властями чрезвычайного законодательства сопровождалось репрессиями по отношению к органам местного самоуправления в виде арестов, разгона и т. п. Препятствием для худшего, как правило, становились только протесты союзного командования Антанты, особенно представителей Франции и США. К слову, самостоятельные контакты с союзниками земствам были запрещены¹³.

Пересмотр законодательства 1917 г., поспание законности властями и репрессии против органов местного самоуправления уже в конце 1918 – начале 1919 г. вызвали волну протестов в среде земцев. Особенно болезненно они реагировали на новый земский законопроект и упорные отказы правительства А. В. Колчака легализовать Сибземгор и Далькрайземгор.

«Умеренная демократия», прежде всего представленная земствами, развернула кампанию протестов в свою защиту. Земские и эсеро-меньшевистские издания помещали на своих страницах статьи с критикой правительственного курса, сообщения о репрессиях по отношению к деятелям земского и городского самоуправления, обзоры печати, характеризующие положение земства в Сибири и на Дальнем Востоке. Публичная критика «белого» террора приносила свои плоды, особенно апелляция к международной общественности. Например, бесчинствовавшие в Никольске-Уссурийском калмыковцы были отведены из города. К осени 1919 г. деятельность всех земских управ была восстановлена¹⁴.

Постепенно сибирские и дальневосточные земства перешли от «словесной» оппозиции колчаковщине и атаманщине к политическому сопротивлению. Первый шаг был сделан сибирским и дальневосточным земством в связи с выборами в Государственное экономическое совещание.

В своём стремлении найти опору в «организованной общественности» Омское правительство весной 1919 г. пошло на расширение состава и функций Экономического совета, существовавшего при Верховном правителе, до уровня Государственного экономического совещания. Земцы готовы были сотрудничать с правительством в этом органе. Однако правительство считало земства ненадежными, поскольку они, по словам видного колчаковского деятеля Г. К. Гинса, «находились главным образом в руках той партии, которая бросила призыв к войне с диктатурой»¹⁵. Поэтому власти решили допустить земцев в совещание на особых условиях. Если биржевые комитеты и кооперация избирали своих делегатов сами, то земства выдвигали лишь кандидатов, из числа которых Верховным правителем назначались делегаты (не более 20 делегатов из 60, составлявших Государственное экономическое сове-

щение)¹⁶. Органы земского самоуправления настаивали на том, что земству следовало бы дать право непосредственного делегирования своих представителей, но позиция правительства осталась в этом вопросе неизменной.

Часть земств, не веря в возможность создать в таких условиях фундамент «здоровой экономической политики», решила бойкотировать совещание. Например, в ответ на телеграмму правительства от 4 мая 1919 г. о выборах в Государственное экономическое совещание Владивостокская городская управа, пользовавшаяся правами и исполнявшая обязанности также уездной земской управы, ответила отказом послать кандидатов. Земства, воздержавшиеся от выборов кандидатов, объясняли свою позицию следующим образом: они ищут «спасение страны в торжестве начал народовластия» и «больших надежд на “совещание” не возлагают», рассматривая его лишь как «еще одно бюрократическое (подчинённое правительству) учреждение...»¹⁷.

В бойкоте совещания земства не были едины, как, впрочем, и во всех других своих оппозиционных действиях по отношению к колчаковскому правительству. Часть земств постановила избрать кандидатов для назначения в члены совещания, мотивировав своё решение тем, что участие в его работе необходимо, дабы «оказывать влияние на правительственную политику». Как правило, одновременно с избранием кандидатов земства принимали специальный «Наказ» кандидатам, согласно которому последние обязывались всеми мерами стремиться к демократизации Государственного экономического совещания и содействовать скорейшему созыву Учредительного собрания¹⁸.

Несмотря на тщательный отбор представителей, правительство не встретило в Государственном экономическом совещании поддержки своей тактики. Члены совещания довольно громко высказались за необходимость коренной переработки положения о составе и компетенции совещания, потребовали права вести всю законодательную работу, права запросов, законодательной инициативы и контроля за исполнительной властью¹⁹.

Неудачей завершилась и следующая попытка опереться на общественность. 16 сентября 1919 г. верховная власть дала обещание созвать Государственное земское совещание. Грамотой Верховного правителя и распоряжением на имя председателя Совета министров был возведён созыв совещания, составленного «по преимуществу из представителей крестьянства и казачества», имеющего целью «дальнейшее развитие начатого сотрудничества в деле законодательства власти и народа». Государственное земское совещание тоже являлось законосовещательным органом «...с правом запросов министрам и с правом выражения пожеланий о необходимости законодательных и административных мероприятий»²⁰. Органы местного самоуправления на этот раз могли избирать членов совещания непосредственно. По Приморской области, например, норма представительства была следующей: по одному члену Госу-

дарственного земского совещания избирали Владивостокская, Хабаровская и Никольско-Уссурийская городские думы (от городского населения) и по одному члену – областное земское собрание и «соединённый съезд Хабаровского, Иманского, Ольгинского и Никольско-Уссурийского уездов» (от сельского населения). Выборы, согласно телеграмме управляющего Приморской областью от 2 декабря 1919 г. за № 189, должны были быть проведены до 15 декабря того же года²¹.

Архивные материалы о выборах членов совещания и кандидатов к ним свидетельствуют, что избрание состоялось только в части самоуправлений и сопровождалось расколом среди гласных. Так, Владивостокская городская дума избрала своим представителем гласного В. В. Солдатова, а кандидатом к нему – отца В. Давыдова. При этом «левый блок» в думе (умеренные социалисты) отказался от участия в баллотировке. Гласные Медведев, Манаев, Жигулин и др. (всего 20 человек из 59 присутствовавших на заседании), считавшие, что созыв Государственного земского совещания – фикция народного представительства, покинули заседание после того, как не удалось заручиться поддержкой большинства думы²².

В целом созыв Государственного земского совещания уже не удовлетворял земцев. По убеждению земской оппозиции, «предстоящее Государственное земское совещание ни по своему составу, ни по своей компетенции не будет сколько-нибудь заметно отличаться от Государственного экономического совещания, будет также непродуктивно и бесполезно даже для власти, его созывающей»²³. Оппозицией была выдвинута идея Земского собора в противовес «суррогату общественности», предложенному правительством. Сибземгор предпринял попытку претворить эту идею в жизнь, создав в Томске Главный комитет по содействию созыву Земского собора с отделениями в Красноярске, Владивостоке и других городах. Во Владивостоке бывший председатель Сибирской областной думы И. А. Якушев 5 сентября 1919 г. издал грамоту, где обвинил Колчака в том, что он «загубил дело возрождения государственности, с огромным трудом начатое демократией». Якушев предложил созвать Сибирский Земский собор, который бы создал временное правительство, принял Положение о Всесибирском Учредительном собрании и выработал меры по его созыву, передал местную государственную власть органам самоуправления и т. д.²⁴

Вынашивались и планы восстания для свержения диктатуры А. В. Колчака. Так, один из лидеров земской оппозиции правый эсер А. Н. Алексеевский во время поездки на Дальний Восток в середине августа 1919 г. призывал в своих докладах к подготовке антиколчаковского переворота. С этой же целью в Иркутске на нелегальном Всесибирском совещании земств и городов 12 ноября 1919 г. был создан межпартийный орган – Политический центр, в состав которого входил и представитель Приморской областной земской управы (Б. А. Косминский)²⁵. Земская оппозиция имела тесные связи с иностранным дипломатическим корпусом,

заручилась поддержкой со стороны чешских легионеров и согласием генерала Гайды на личное участие в выступлении против Колчака²⁶. В деле борьбы с колчаковщиной некоторые земства готовы были сотрудничать даже с «красными». В частности, активную помощь партизанам оказывали Ольгинская уездная земская управа и её председатель И. С. Масленников²⁷. Но никаких самостоятельных реальных сил у земцев не было, поскольку их политическая платформа не находила отклика в широких народных массах. Историческая роль и значение земской оппозиции заключаются только в том, что её наличие способствовало более быстрому разложению колчаковского режима изнутри.

Тем не менее, после свержения колчаковского режима на Дальнем Востоке в большинстве областей полномочия государственной власти по соображениям международно-политического характера были временно переданы земствам. По этим же соображениям руководством РСФСР было инициировано создание буферной Дальневосточной республики. К весне 1920 г. возникло два центра строительства буферного государства: один – в Верхнеудинске, другой – во Владивостоке. Причём некоторые самоуправления Приморья в той или иной мере препятствовали деятельности «верхнеудинского земского правительства» в тот или иной период.

Хабаровская городская дума, возглавляемая К. Т. Лихойдовым, летом 1920 г. мешала проведению работы по подготовке выборов в Учредительное собрание ДВР. По требованию чрезвычайной конференции профсоюзов, созванной в городе, Приморская областная земская управа постановила распустить Хабаровскую городскую думу, но та отказалась выполнять это постановление. 22 августа она объявила о независимости Хабаровского уезда и создании «Хабаровской республики». Эта «республика Лихо», как её прозвали в народе, просуществовала одни сутки. 23 августа силами резервного батальона народной милиции в городе была восстановлена законная власть. Гласные Хабаровской городской думы были арестованы. Все дела общественного самоуправления были переданы специально созданной особой комиссией, которая и вела их до выборов Хабаровского городского собрания уполномоченных²⁸.

Когда в октябре 1920 г. было принято политическое решение о дальнейшем формировании Дальневосточной республики на основе буферного образования, созданного в Прибайкалье, Приморская областная земская управа не сразу ему подчинилась. Лишь 12 декабря 1920 г. она приняла постановление № 487 о сложении с себя полномочий Временного правительства Дальнего Востока и передаче государственной власти на территории области правительству ДВР²⁹.

26 мая 1921 г. во Владивостоке был осуществлён государственный переворот с целью свержения в Приморье власти правительства Дальневосточной республики. Была провозглашена власть Приамурского временного правительства во главе с С. Д. Меркуловым³⁰. Од-

ним из членов правительства стал Владивостокский городской голова И. И. Еремеев. В установлении власти меркуловского правительства в Никольске-Уссурийском активное участие приняла местная городская управа. По её постановлению все важные объекты в городе были взяты под усиленную охрану до прибытия и распоряжения особоуполномоченного Приамурского временного правительства³¹.

В намерения Приамурского временного правительства входило распространить свою власть на весь Дальний Восток и заменить «красный» буфер на «белый» при поддержке Японии. Однако фактически его власть действовала только на юге Приморской области и в течение непродолжительного времени. Предпринятая меркуловским правительством попытка военного наступления на ДВР закончилась сокрушительным поражением в феврале 1922 года. Военные неудачи ускорили вызревание политического кризиса. Попытка С. Д. Меркулова укрепить пошатнувшийся режим, распустив представительный орган (Приамурское Народное собрание) и узурпировав власть, осуществленная 31 мая 1922 г., также закончилась провалом. В ответ Приамурское Народное собрание объявило правительство низложенным и присвоило всю полноту власти себе³².

В этих событиях активное участие приняло самоуправление г. Владивостока. 1 июня 1922 г. верховная власть временно была возложена на Президиум Приамурского Народного собрания, в состав которого был избран председатель Владивостокской городской думы Н. А. Андрушкевич³³. 3 июня Приамурским Народным собранием был сформирован состав нового правительства, в которое вошли Владивостокский городской голова И. И. Еремеев и бывший председатель Хабаровской городской думы К. Т. Лихойдов. Пост председателя правительства Приамурское Народное собрание предложило генералу М. К. Дитерихсу³⁴. 7 июня гласные Владивостокской городской думы после бурного обсуждения «текущего политического момента» приняли резолюцию в поддержку Приамурского Народного собрания и нового правительства³⁵.

Правительство С. Д. Меркулова отреагировало на эти действия Владивостокского городского самоуправления постановлением № 139 от 19 июня 1922 года. В нём говорилось: «Ввиду преступной деятельности председателя Владивостокской городской думы Н. А. Андрушкевича и [и. о.] городского головы... А. И. Лякера, допустивших с участием бунтовщиков и посторонних лиц обсуждение вопроса о ниспровержении существующего государственного порядка и вынесение резолюции о признании власти бунтовщиков, привлечь Андрушкевича и Лякера к уголовной ответственности за участие в попытке ниспровержения верховной власти, немедленно отстранить их от занимаемых ими общественных должностей и предложить Владивостокской городской думе избрать новых председателя и городского голову...»³⁶.

Однако никаких реальных сил, опираясь на которые, противоборствующие стороны могли бы добиться выполнения своих постановлений и распоряжений, не было ни у правительства С. Д. Меркулова, ни у Приамурского Народного собрания. Милиция г. Владивостока колебалась, позиция командующего каппелевской армией генерала Молчанова оставалась неопределённой, японское командование сохраняло нейтралитет³⁷. Таким образом, неудачный государственный переворот 31 мая 1922 г. породил безвластие. Ситуация разрешилась в начале августа 1922 г., когда Приамурский Земский собор, созданный во Владивостоке, избрал нового правителя Приамурского земского края – генерала М. К. Дитерихса, наделив его всей полнотой высшей военной и гражданской власти, и прежнее Приамурское временное правительство прекратило своё существование³⁸.

В период правления М. К. Дитерихса, как и при предыдущих «белых» правительствах, политическая деятельность органов местного самоуправления считалась недопустимой. Тем не менее их участие в политике дозволялось и в этот период в той мере, в какой это было выгодно властям. В частности, выборные от земского, городского и поселкового самоуправления были допущены к участию в Приамурском Земском соборе, призванном разрешить политический кризис. Однако их представительство (28 чел. в совокупности) несопоставимо с представительством от церкви, вооружённых сил, государственных ведомств, несоциалистических организаций, торгово-промышленного класса, крестьянских и казачьих сословных обществ (221 чел. в совокупности) – тех сил, на которые стремился опереться Верховный правитель Приамурского земского края³⁹.

Другой, не менее красноречивый пример. Желая упрочить основание деятельности своего правительства, М. К. Дитерихс учредил Приамурский Поместный совет в составе четырёх своих помощников по местному управлению краем. Председателем совета стал управляющий ведомством внутренних дел генерал-майор В. А. Бабушкин. Членами совета были назначены: Владивостокский городской голова, председатель Приморской областной земской управы и атаман Уссурийского казачьего войска. Поместному совету надлежало разработать положения своего управления, стремясь влить возможно полнее функции ведомства внутренних дел в органы местного самоуправления, но совершенно исключая из их работы какой-либо политический характер⁴⁰.

Постановления и распоряжения Поместного совета были обязательны для всех самоуправлений, учреждений, организаций и лиц на территории Приамурского земского края. Однако сам совет являлся лишь законосовещательным органом при председателе Поместного совета и исполнительными функциями не обладал. Решения совета приводились в исполнение его председателем через соответствующие отделы управления по делам Поместного совета (и их подотделы): общераспределительный, местного хозяйства, медицинский, вете-

ринарный, строительный, межевой, почтово-телеграфный, тюремный, милицейский, труда, общественного призрения⁴¹. Таким образом, члены совета, представлявшие в нём земское, городское и сословное казачье самоуправление, были лишены не только политической власти, но и реальной самостоятельности и значимости.

Очевидно, что поддержка или оппозиция органов местного самоуправления уже не играла существенной роли в судьбе «белого» режима на юге Дальнего Востока России. Политическое долголетие Приамурского земского края как государственного образования и М. К. Дитерихса как его Верховного правителя зависело от присутствия японских войск в Приморье. 15 августа 1922 г. японское командование объявило о начале эвакуации. Японские войска, согласно приказу императора, должны были начать эвакуироваться из Приморья с 6 часов утра 7 сентября 1922 года. Эвакуация должна была полностью завершиться в 15 часов 25 октября 1922 года⁴².

Это решение вызвало смятение в правящих кругах Приморья. Они пытались убедить иностранные державы возобновить интервенцию, но безуспешно. Безрезультатной оказалась поездка делегации Земского собора во главе с Владивостокским городским головой А. И. Андогским в Японию. Передать японскому правительству выработанную на Земском соборе грамоту не удалось, поскольку делегация была принята неофициально, как делегация «непризнанного правительства, ... только что сформировавшегося, жизненность которого совершенно ещё не выяснена»⁴³.

19 октября 1922 г. на последнем заседании Владивостокской городской думы обсуждался вопрос о предстоящей передаче гражданской власти от правителя Дитерихса в связи с его отъездом в действующую армию. Для прояснения этого вопроса была избрана комиссия из гласных во главе с и. о. городского головы А. И. Лякером, встречавшаяся с Верховным правителем Приамурского земского края. Результаты этой поездки и беседы в тот же день были доложены в думе. Выяснилось, что дума не может, как предлагали гласные-окраинцы, образовать комитет помощи из объединённых общественных организаций. М. К. Дитерихс, ответивший категорическим отказом, пояснил, что Владивостокской городской думе власть не передаётся, ей передаётся только часть гражданского управления. Реальная военная и гражданская власть передавалась адмиралу Старку, начальнику тылового района, в 1922 г. руководившему созданием самообороны г. Владивостока. А с 25 октября город должен был перейти под международную охрану вплоть до установления власти ДВР⁴⁴.

В этой связи гласным Шапошниковым было предложено отказаться от власти. Гласный Стариков поддержал его: «...Затронутый гласным Шапошниковым вопрос о принятии или отказе от власти – вопрос очень серьезный. Мы ширмой-то побывали, слава тебе, Господи. Мы хлопали, хлопали ушами, и пора бы нам выйти из младенческого возраста. Надо поду-

мать об этом серьёзно. Если дают призрачное управление чем-то, значит хотят нас изнасиловать, я бы сказал. ... С этим управлением, которое нам передают, с нас все решительно спросят. Я предлагаю очень серьёзно подумать над этим вопросом»⁴⁵.

Принятие окончательного решения было отложено до следующего заседания думы, во-первых, из-за отсутствия текста постановления Верховного правителя о передаче власти во Владивостоке Старку и городской думе, а во-вторых, из-за появления в зале заседания вооруженного отряда «белых». Председательствующий объявил заседание закрытым.

Стенографический отчет последнего заседания Владивостокской городской думы ярко характеризует сложившуюся обстановку. Отсутствие стабильности, экономический кризис, паралич власти, ощущение близкого краха – таким предстает Владивосток в октябре 1922 года. Одновременно бессилие Владивостокской городской думы, растерянность, присутствующая в речах её гласных, иллюстрируют печальный итог политической деятельности местного самоуправления в период гражданской войны и интервенции на российском Дальнем Востоке.

¹ Благовещенску сто лет (1858–1958 гг.): Сб. документов и материалов. – Благовещенск, 1959. – С. 518.

² ГАЧО. Ф. 94. Оп. 4. Д. 78. Л. 4.

³ Шиндялов Н.А. Бюро самоуправлений Амурской области: Благовещенск–Сахалин–Благовещенск (март–сентябрь 1918 г.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2003. – Вып. 6. – С. 27–28.

⁴ Сонин В.В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917–1922). – Владивосток, 1987. – С. 65.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 51.

⁶ Земская жизнь Приморья. – 1918. – № 1. – С. 1–2; Отчет Приморской областной земской управы за шесть месяцев ее деятельности // Доклады и материалы комиссий земского собрания. Т. 2. – Владивосток, 1919. – С. 9.

⁷ Сонин В.В. Указ. соч. – С. 66–67.

⁸ Там же. – С. 67.

⁹ Куцкий Г.С. Становление советской власти в Приморье (1917–1922 гг.). – Владивосток, 1977. – С. 81–82.

¹⁰ Земская жизнь Приморья. – 1918. – № 2. – С. 12–13.

¹¹ Куцкий Г.С. Указ. соч. – С. 82.

¹² Там же. – С. 84–85.

¹³ См.: Земская жизнь Приморья. – 1919. – № 5. – С. 3; Бутенин Н.А. Земства и городские самоуправления Приморья в годы гражданской войны // VI Арсеньевские чтения: Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения. – Уссурийск, 1992. – С. 58.

¹⁴ Бутенин Н.А. Указ. соч. – С. 59.

¹⁵ Гинс Г. Сибирь, союзники и Колчак. – Пекин, 1921. – С. 139.

¹⁶ Мальцева Т.В. Земская «оппозиция» колчаковщине // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг.: Сб. статей. – Новосибирск, 1985. – С. 189.

¹⁷ Там же. – С. 189–190.

¹⁸ Там же. – С. 190.

¹⁹ Земская жизнь Приморья. – 1919. – № 24. – С. 6.

²⁰ Там же. – С. 5–6.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 925. Л. 1–4.

²² Там же. Л. 5–8.

²³ Земская жизнь Приморья. – 1919. – № 24. – С. 6.

²⁴ Мальцева Т.В. Указ. соч. – С. 191.

²⁵ Там же. – С. 192.

²⁶ Там же. – С. 191–192.

²⁷ Бутенин Н.А. Указ. соч. – С. 59.

²⁸ Чернышева В.И. Хабаровск (к 100-летию города). – Хабаровск, 1958. – С. 47–48.

²⁹ Земская жизнь Приморья. – 1921. – № 1. – С. 22–23.

³⁰ Куцкий В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье. 1920–1922 гг. – Владивосток, 1994. – С. 63.

³¹ См.: ГАПК. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2.

³² Куцкий В.Ю. Указ. соч. – С. 133.

³³ Там же. – С. 134.

³⁴ Там же. – С. 138.

³⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 514. Л. 4–5.

³⁶ Вестник Временного Приамурского правительства. – 1922. – 30 июня.

³⁷ Куцкий В.Ю. Указ. соч. – С. 135–136.

³⁸ Там же. – С. 146–147.

³⁹ Вестник Временного Приамурского правительства. – 1922. – 30 июня.

⁴⁰ Куцкий В.Ю. Указ. соч. – С. 152.

⁴¹ Там же. – С. 152–153.

⁴² Там же. – С. 157.

⁴³ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 46. Л. 573.

⁴⁴ «Положение городского самоуправления в буквальном смысле трагическое» (Стенографический отчет заседания Владивостокской городской думы 19 октября 1922 г.) // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: Сб. науч. трудов. – Владивосток, 2000. – Т. V. – С. 61–63.

⁴⁵ Там же. – С. 65.